

ЗУБНАЯ ФЕЯ

Рассказ написан во время работы в мастерской Creative Writing School
«Память, говори: от дневника до рассказа».

МАРИНА НОЧАН
Родилась в 1989 году в Сыктывнаре. Писательница, поэтесса, кураторна литературных проектов. Онончила школу «Современные литературные практики», училась в открытой литературной школе

Алма-Аты, участник и стипендиат форума молодых писателей «Липки». Дебютировала в 2020 году с публикацией рассказа «Совпадение» в сборнике «Одной цепью». В ноябре 2022 года запустила проект «Что я знаю о папе» — сайт-антологию, исследующий

фигуру отцов на постсоветском пространстве. В 2023 году у автора вышел дебютный роман «Хорея». Работает с темой памяти, семейной травмы, болезни и тревожности. Преподает в писательских школах и авторские курсы онлайн.

Маня ненавидела *мясную лавку*. На углу пахло всегда сырым мясом, и большая свиная голова за стеклом то ли улыбалась, то ли насмехалась над Маней, когда они с мамой шли мимо, чтобы зайти в соседнюю дверь зубной больницы. Когда Маня с мамой шли к зубному, они непременно заходили потом и за фаршем. Маня ненавидела фарш.

В *мясной лавке* сегодня их приняли сразу. *Экстренно* — сказала мама в регистратуре. *Флюс* — сказала мама снова это странное слово. Маня решила еще дома, что флюс — это чье-то странное имя. Тяжелая вздувшаяся еще утром щека тянула Маню вбок, как камень, пока они с мамой шли к кабинету. Маня иногда дотрагивалась до щеки пальцем и чуть надавливала, проверить, не сдуется ли она, как шарик. Но щека не сдувалась, а наверху болело и ныло, как будто зуб уже сверлили.

— У-у-у, это уже не к нам.

Маня закрыла рот и увидела, как врач качает головой и быстро пишет что-то в толстой карточке.

— Это в больничным городок надо. Только прямо сейчас езжайте. Может быть заражение.

Больничным городок Маня представила себе сложным из разноцветных кубиков, с маленькими человечками в белых халатах внутри. Человечки смешно пищали, так, что не разобрать слова, бегали из одного домика в другой и возили на носилках больных и раненых. Такие носилки

Маня видела по телевизору в новостях: какой-то город разрушился от землетрясения, дома сложились, как игрушечные, и раненых доставали из-под завалов. Мама тогда не дала Мане досмотреть новости. Хотя было очень интересно, что станет потом с разрушенными домами. Где эти люди без домов будут жить? Неужели в больнице? Сейчас Маня думала о том, что Больничным городок наверняка мог бы их приютить. На то он и город.

— Что же ты сразу не сказала, что у тебя болит, — обняла Маню одной рукой и прижала к своему плечу, когда они сели в большой желтый автобус-буханку.

По голосу Маня определила, что мама недовольна всей этой ситуацией с зубом. Пальто у мамы было мягкое, синее и пахло летом. Любимое мамино пальто. Маня прижималась к маме здоровой щекой и смотрела в окно. За окном было все незнакомое. Быстро темнело, и Маня вглядывалась в двухэтажные деревянные покосившиеся дома, а потом и во все начался лес, но из-за темноты Маня видела уже только внутренности автобуса. Маня смотрела на отражение мамы в автобусном стекле. Мамина половина лица выглядела тревожно. И Маня из-за этого тоже тревожилась. Что же она раньше не сказала про зуб. Чтобы никто не тревожился. Но ведь он до этого и не болел совсем.

Когда мама с Маней остались в автобусе вдвоем, Маня решила, что никто больше не хотел ехать в Больничный городок. Потому что все люди в автобусе, кроме нее, были здоровые. Маня спрыгнула с автобусной ступеньки, и высокие серые дома с желтыми широкими окнами-глазами обступили ее, как будто хотели раздавить. Маня сильно сжала мамину холодную руку, пока они поднимались по широкому крыльцу.

– Успели. Еще бы чуть-чуть – и сами знаете. Пару часов всего – и там уже *сепсис*, – говорил маме врач в коридоре больницы.

Еще одно странное слово, незнакомое. Маня смотрела, как мама теребит брошку на пальто, и прижималась к ее ноге.

Врач взял Маню на руки, ладони у него были большие и мягкие, прямо как у папы. Мама обняла Маню уже в руках у врача и крепко прижала к себе.

– Манечка, мне туда нельзя, тебе здесь надо побыть одной. Мы с папой завтра к тебе придем, сейчас надо пойти с врачом.

Губы у мамы тряслись, как от холода, и Маня почувствовала, что и у нее тоже дергаются нос и губы, а глаза стали совсем мокрые, она начала тереть их кулаками, размазывая мокрое по щекам. Как же она останется тут одна, если мама уйдет. С кем она тогда будет тут.

– Идите домой, мы сразу ее на операцию, завтра в четыре приходите, она сможет уже выйти к вам, – спокойно сказал врач и улыбнулся Мане.

– Куда выйти?

– В общий коридор. Все свидания там, чтоб заразу не заносить в отделение. Там медсестра на выходе вам расскажет.

Врач уносил Маню по коридору, и Маня смотрела, как мама машет ей вслед.

В операционной было холодно, и Маня увидела на себе маленькие пупырышки, когда с нее сняли одежду. Мама говорила, что это называется «гусиная кожа».

– Будет больно? – спросила Маня, когда ее положили на холодную застеленную прозрачной клеенкой больничную кровать и накрыли белой простышкой.

– Нет. – Врач снова улыбнулся и погладил Маню по руке. – Но тебе нужно будет сейчас поспать. Я дам волшебную маску, вот такую.

Маня увидела прозрачную маску с тонкой белой трубочкой.

– Сделаешь два вдоха и уснешь, прямо как в сказке. А когда проснешься, все уже будет позади и зуб перестанет болеть.

– Не хочу спать, – сказала Маня, взяла маску и сделала вдох.

Маня просыпается в темноте и ищет свое одеяло. Белое, с ромбиком посередине. Но одеяла нет, и подушки нет, а кровать тоже не ее. Возле лица на простыне Маня видит черное неровное пятно. Трогает пальцем – мокрое. Языком Маня ищет свой больной зуб, но тут же одергивает его. Зуба нет. Язык снова возвращается и щупает десну. Зуба рядом с больным тоже нет. Маня находит только две глубокие ямки и что-то твердое посередине. На вкус как резина.

У Мани еще не выпало ни одного молочного зуба, но мама рассказывала ей, что, когда зубы начнут выпадать, можно будет класть их под подушку и писать письмо зубной фее. И тогда ночью она придет, заберет зуб и даст тебе взамен то, что попросишь.

– Можно просить всё-всё? – уточняла Маня. – Все что угодно? Даже велосипед?

– Ну-у, велосипед очень большой, странно было бы менять его на маленький зуб, – это говорил уже папа. – Можно что-то небольшое.

«Как же теперь фея заберет зубы? Если они остались в той белой комнате у врача», – думает Маня, скукожившись на кровати.

Сбоку что-то ворочается. Одеяло на соседней кровати приподнимается, и на Маню смотрит лицо. Маня тоже смотрит, лицо отворачивается, и Маня слышит шепот, а потом кто-то хихикает.

Маня вслушивается в звуки, вглядывается в темноту.

Голова снова поворачивается к ней. В свете фонаря Маня видит рыжего мальчика. Мальчик высовывает руку из-под одеяла и протягивает игрушку.

– На, возьми.

Пальцы дотягиваются до Маниного края кровати, кладут игрушку на простыню. Это жираф с отломанной ногой.

– Возьми-возьми в руки. – Теперь уже две головы с соседних кроватей смотрят на нее в ожидании и улыбаются.

Маня берет жирафа за шею, и что-то такое трепыхается внутри, словно вот-вот случится плохое.

– Теперь понюхай! – Голос ближней головы звучит как строгий указ, как голос взрослого, с которым нельзя спорить.

И Маня подносит жирафа к носу, не очень близко, и все же достаточно, чтобы почувствовать запах. Он сладковатый, чуть-чуть рыбный и очень тревожный.

– Ну че, понравилось тебе? Еще хочешь? Давай я еще раз в трусы засуну.

Маня отворачивается к стене и незаметно трет ладонь о простыню.

За спиной мальчики еще какое-то время хихикают, но потом все затихает.

Маня просыпается снова от яркого света. Какая-то женщина в белом халате стоит посреди комнаты и смотрит прямо на нее.

– Так, это тебя же вчера вечером привезли? Надо сдать мочу, только до девяти утра принеси, потом уже не примут.

Женщина подходит к Мане и ставит банку на тумбочку. Банка похожа на майонезную, только в ней ничего нет. Маня берет банку. Зачем-то заглядывает внутрь.

– Ты мочу-то сдавала, нет? Писать в банку умеешь?

Маня поднимается с кровати и идет в угол палаты, к раковине. Снимает трусы. И снова слышит смех с соседних кроватей, тот же, что ночью. Мальчики укрываются одеялами и шепчутся друг с другом.

– Эй-эй, ты чего делаешь-то? Анализы никогда не сдавала, что ли? В ванную иди! Прямо по коридору – и упрешься.

Маня торопится и никак не может нормально одеться. Натягивает трусы, штаны, ищет тапочки под кроватью. Тапочек нет, они дома. Значит, надо в носках. Потом все же выходит в длинный коридор, прижимая к себе банку. В коридоре пахнет луком, и уколами, и мокрыми полами. Маня доходит до последней двери и открывает ее. Внутри посреди комнаты – большой черный, как уголь, квадрат. Маня не сразу понимает, что это и есть та ванна, в которой тут моются. Она долго стоит у двери, а потом обходит ванну кругом, стараясь не приближаться к ней. В углу снимает трусы и садится на корточки, ставит баночку ровно между двух ног. Только немножко проливается мимо. Маня берет теплую банку с пахучим темно-желтым и медленно идет назад. Только бы не разлить.

Маня лежит на кровати и ждет родителей. Она не идет в столовую, хотя есть очень хочется. У нее нет часов, но она знает, что обед – это середина, а после середины уже недалеко до четырех. Чтобы время шло быстрее, она играет в пальцы. Пальцы на руках – это солдаты. Большой палец – командир, а остальные подчиняются ему. Когда

он недоволен, то каждого колет ногтем, а когда доволен, всех целует. Солдаты у Мани кланяются, маршируют, выполняют приказы.

– Касаткина, к тебе пришли, иди давай быстро. Пятнадцать минут, а потом в палату на укол вернись.

Маня выбегает в уличный коридор, старается обнять сразу и мамино теплое пальто, и папину необъятную куртку.

Мама суетится и задает много вопросов. Ела или нет, как спала, болит или нет, а кто в палате. Маня не рассказывает про жирафа, она садится между мамой и папой и ест пюре с перетертым мясом из эмалированной миски. Мама сделала без лука. *Так и знала, что ты не ела.*

– Поешь побольше, туда не пустят с едой-то, – говорит папа.

Мама шуршит пакетом и достает большого мягкого зайца. У него лапы на липучках, и он обнимает зайца поменьше. Наверное, зайчиха, думает Маня, прижимая игрушку к себе.

– В палату нельзя с мягкими, но все равно решила тебе показать, чтоб ты знала, кто будет ждать тебя дома. – Мама обнимает Маню кольцом, так же как зайчиха.

После укола Маня выбегает обратно в коридор, но он пустой. Родители уже ушли. Не дождалась ее, не знали, что снова выйдет. Маня идет обратно к палате, но туда не пускают. *Кварцевание* – говорит медсестра, и Маня думает, что это слово похоже чем-то на испытание. Все, кто попадает в больницу, должны его пройти. Маня заглядывает в щель в дверях и видит голубой свет. Пахнет чем-то летним, горячим.

– Мария, ты в душе была уже? – Медсестра подходит к Мане и протягивает полотенце.

«Я Маня», – думает Маня. И берет полотенце. Снова идет в страшную ванную, запирается. Подходит в этот раз ближе. Протягивает руку и включает кран. Вода льется тонкой струей, и Маня следит, как капли стекают по черноте. Она так и не решается ступить внутрь квадрата. Моет руки и лицо, склонившись над ванной.

Когда Маня возвращается в палату, на ее кровати снова лежит жираф. Она смотрит на него издалека и выходит обратно в тусклый коридор.

После укола вдруг очень сильно хочется спать. Маня сначала садится, а потом ложится с ногами на коричневую мягкую скамейку в коридоре. Маня

таращит глаза изо всех сил, смотрит на трещинку напротив, но веки слипаются сами.

Маня просыпается от того, что кто-то трясет ее за плечо.

– Ты чего тут? Плохо? Почему здесь лежишь?

Это врач, тот самый, с большими мягкими ладонями.

– Вы можете вернуть мои зубы? – спрашивает Маня, и уголки рта у нее начинают кривиться.

Врач берет Манину руку и сжимает в своей.

– Новые вырастут, не переживай так. Это ведь молочные.

– Мне для зубной феи надо. Я хочу попросить кое-что. – Маня отворачивается в сторону, шмыгает носом.

– Фея уже забрала твои зубы. Она всегда так делает, когда мы удаляем их в операционной. – Врач обнимает Маню за плечи. – Ты можешь написать ей письмо, и вдруг, если встречу с ней, я передам.

– Я просто хочу домой, – говорит Маня, – не хочу ночевать с ними. – Она кивает в сторону закрытой двери. Лучше буду тут. – Маня больше не может сдерживаться и вытирает слезы рукавом пижамы.

Врач молчит, но совсем недолго.

– Домой тебя заберут очень скоро, – говорит он спокойно. – Просто нужно чуть-чуть подождать. А с мальчиками я прямо сейчас поговорю. Посиди пока тут.

Когда Маня возвращается в палату, там только рыжая голова. Вторая кровать аккуратно застелена.

Рыжий мальчик подкидывает вверх машинку, потом елозит ей по тумбе и подоконнику. Маня искоса наблюдает за ним со своей кровати.

– Будешь в морской бой? – вдруг говорит он, повернувшись к ней.

Маня торопится, ноги никак не попадают в ботинки. Она хватается куртку и шапку и бежит к дверям приемного отделения даже не оборачиваясь, потом вспоминает что-то и бежит назад до самого конца коридора, робко стучит в кабинет главврача. И отдает ему сложенный вчетверо лист бумаги. Родители уже ждут Маню за дверями.

Только вечером врач вспоминает про письмо и разворачивает его.

Дорогая зубная фея, мне сейчас ничего не надо из игрушек. Но сделай так, если можешь, чтобы Егора из моей палаты тоже отпустили домой.

До встречи, Маня